

Воспоминания о
Владимире Александровиче
ГОРБЕ

Владимир Александрович Горб был удивительной, оригинальной личностью, каких сейчас уже и не сыщешь.

Впервые я услышал о нем осенью 1962 г., когда мои родные решили, мне следует поступать в СХШ. Я сижу на квартире бабушки, Веры Григорьевны, на Черной Речке. Бабушка в соседней комнате разговаривает со своим любимым братом Николаем Васильевичем Томским, известным скульптором. Я зову его почему-то «дядя Коля». Он живет в Москве, но часто приезжает к нам, а вся юность его и годы учебы прошли в нашей старой квартире на 2-ой линии. Там у окна, на месте, где стоял его станок, были стерты шашки паркета, я тоже любил там же работать в годы обучения в СХШ, а потом и в институте..

Какая-то странная фамилия мелькает в их разговоре. «Горб! – говорит дядя Коля – Надо идти к Горбу! Горб скажет, что надо делать!»

Ой, как не хочется идти к какому-то странному Горбу..... Но Горб оказался вовсе не страшным, а весёлым и доброжелательным. Он принял нас с бабушкой в своем проректорском кабинете (он тогда был проректором по учебной работе).

Посмотрел мои рисунки и направил меня к М.Я. Перепелкиной – прекрасному педагогу, к которой я раз в неделю ходил на консультации.

Во время обучения в СХШ я, конечно, не раз видел Владимира Александровича в коридорах Академии и В.А. в ответ на моё приветствие церемонно со мной раскланивался, как со старым знакомым, ведь с дядей Колей –то они знакомы были ещё с 20-х годов.

В 1969 году я поступил на живописный факультет и был зачислен в группу 1 курса, которой руководил Д.Б.Альховский. И надо же было случиться, что все мои одноклассники по СХШ попали к Горбу, а я оказался в окружении чужих, незнакомых ребят из других городов, один-одинёшенек в группе Альховского.

Но Альховский был очень мил и добр, ребята, посмотрев, как я работаю, очень меня зауважали, несмотря на мою юность. Ну а с друзьями по СХШ можно было увидеться в перерыве или после занятий.

Горб за прошедшие годы совсем не изменился. Он вообще, мне кажется, не менялся. Та же важность, чопорность, может быть чуть напускные, а в глазах – лукавые огоньки.

Белая седина, лицо с тяжелыми чертами, восточное, говорят, по национальности он был болгарин и фамилию имел Горбов, нов период украинизации где-то на юге его и сделали Горбом, и он кротко им и остался.

Владимир Александрович оказался неутомимым рассказчиком и балагуром. Каждый день я выслушивал от друзей новые повествования. И как он скакал через скакалочку, соревнуясь с друзьями и женихом своей будущей жены и обскакал его, и про свою дочку Таньку, которая вышла замуж за кого-то то по фамилии Завируха, как он в 20-е годы страдал дизентерией и многое другое.

Но не только рассказами занимал он своих студентов. У Владимира Александровича была уникальная привычка: он приносил в мастерскую целые стопки книг по искусству и рассматривал их вместе с учениками. В те годы было очень много книг по искусству венгерских, польских, ГДР-овских издательств. Часто он одаривал ими студентов. Много и часто он устраивал беседы со студентами по вопросам живописи, рассказывал о великих художниках, о своих зарубежных поездках.

Особенно любил он Веласкеса, которого называл на французский манер «Веласкеза» . И любовь эта дошла до того, что однажды он даже взял социалистическое обязательство написать не хуже «Веласкеза» . Действительно, он отыскал старую натурщицу, похожую на Иннокентия Х, задрапировал, как надо, вот только дальше история умалчивает. Эта история выдает в нем очень трогательного и рыцарски преданного искусству человека. Как и Альховский, В.А.Горб решил поэкспериментировать с первым заданием 1 курса – натюрмортом. Но если Альховский поставил огромные складки и маленькие предметы, то Горб поставил только маленькие предметы. Что-то вроде яблока и чашка. Результат получился тот же. Полный разгром. Ему порекомендовали поставить, пока не поздно, что-то «нормальное». Рассказывая об этом студентам, Горб заговорщески подмигнул им и , подняв палец, изрёк: «Менять ничего, понте, не будем! «Понте» - было его любимое словечко, употребляемое почти после каждого слова.

Вот пример: Горб объясняет цвет стены:»Вот, посмотрите, понте, на эту, понте, стену! Какого она цвета? Понте, зеленого? Нет, не зеленого. Понте, красного? Нет, понте, не красного». Далее следует перечисление всех известных цветов. «А какого же она, понте, цвета?» Следует многозначительная пауза, Горб разводит руками: « А она, понте, цветная!!!!»

Но самый апофеоз экстравагантности Владимира Александровича был, когда он пришел объявить придуманную им тему семестровой композиции. Все сели в кружок. Горб надел очки и стал читать по бумажке. (Привожу целиком).

«Тема, - начал Владимир Александрович, - посвящена подвигу героя Гражданской войны Щорса. Представьте себе, понте, вокзал крупной узловой, понте, станции. Белогвардейцы сидят, понте, в ресторанах, всюду, понте, охрана, составы, понте, войска. И тут появляется на тихом ходу, бронепоезд под белогвардейским, понте, флагом, наполненный, понте, белогвардейцами. Он приближается, понте, к станции, и вдруг открывает, понте, огонь...» Горб победно окидывает взглядом аудиторию, желая увидеть произведенное впечатление. «Оказалось, понте, что это не белогвардейцы, а переодетые красные во главе со Щорсом. Станция занята, белые разбиты... Начинайте делать эскизы..»

И все стали делать эскизы. Но на обходе было, увы, не до смеха: несколько человек получили двойки по композиции. Больше таких сложных тем Владимир Александрович не давал.

Постановки его по-прежнему были оригинальны, узнаваемы, студенты очень любили его.

У Владимира Александровича была еще одна интересная особенность: он был человек абсолютно бесстрашный, всегда говорил то, что думал, невзирая на лица.

Закончив Академию и став преподавателем, я ходил на обходах вместе с Владимиром Александровичем, и он, улыбаясь, смотрел на меня, вспоминая того напуганного мальчишку в своем кабинете.

Мне очень хотелось посмотреть его работы, но персональные выставки были как-то редки в то время, а выставлялся он редко.

Правда, вскоре после открытия Манежа, я увидел там одну работу Горба. Это был небольшой этюд под названием «Ручей в лесу», выполненный в тонкой серебристой гамме.

Вскоре Владимир Александрович ушел из института, а спустя некоторое время мы узнали, что его не стало.

Январь, 2008.